

Иберийский бессмертник

1. Над рекою Тахо

Где твердые кряжи, пытаясь поставить предел
Разбегу равнины, легли с перебитым хребтом;
Где в робкие струи всевидящий зрак поглядел
И каменный остов речушки открыл под мостом;

Где в рост колоколен курчавые сосны нейдут,
А в зорях и звонах полощется проседь олив;
Где, что ни врата, совершается каменный суд,
Как волну, лоснящимся мрамором смерть убелив;

Где в храме обители юный возлег Дон Хуан
Усмешливым каменным гробом себе за грехи,
Подножием Спасу в отметилах колотых ран,
И мертвым, двоим, на подворье поют петухи;

Где бурые взгорья, впитав благородство кровей,
В суеты подножных местечек глядят свысока,
И песнь о Родриго эль Сиде ревет суховой,
Врываясь в руину в предсмертной горячке быка;

Где сизый дымок, восходя из девических уст,
Не ест молодому послушнику каменных глаз
И, каменный, в небе порожем божественно пуст
Девический зрак над ладонью, воздетой за нас;

И где, разрубая в утесы базальт-монолит,
Цикадою свищет реки покривлённый клинок,
А справа-налево-сторонняя памятность плит
Колючую вязь врисовала в терновый венок;

И где автотрассы, террасы, стенные зубцы
Сдавили посад, словно лютой печали змея,
А с верха, с исподу, из чрева пестрят изразцы,
Как будто скудель воззвала к небесам: "Это я!" —

О, как же здесь внятен, четыре столетия спустя,
На малопонятном наречьи изгнанника плач,
В кривых лабиринтах, куда, автобан очертя,
Ввалился наш век и плутает, незнан и незряч.

И дух, вразумленный внезапной своей нищетой,
Трепещет, твердя златоуста-галерника* сказ:
— Что значит покинуть сей город, печаль моих глаз,
Сей град, серафимом крещенный в реке золотой!..

2. Мост

Растрясу запас убогих слов
И подамся нынче налегке
Слушать тихий звон колоколов,
Льнущий к тихо льющейся реке.

Лунный город ставит мне зачет,
Строчкой пуль серебряных прошит,
А река в Атлантику течет,
Притворясь, что вовсе не спешит.

И к чему мне вышитая шаль
И в сиренях мокрое крыльцо
Там, где знаю: потерять не жаль
В одночасье имя и лицо;

Не сгибаясь, лет гранитный груз
Потащить в почтении немом,
Где окно Хуана де ла Крус
Каменным затянута бельмом;

Где на стрежне птичьих верениц
Белизна померкла на ходу,
Пустотою башенных глазниц
Зачерпнуть неожиданную звезду;

---

* ¿Què tengo de despedirme de ver al Tajo dorado?..

Miguel de Cervantes

Надпись у моста Алькантара

И в медовом свете фонарей
Сосчитать и, как ни далеки,
Распознать персты монастырей,
Словно пальцы собственной руки,

Уяснив, что, мал или велик,
Перед этой твердой прямизной
Исчезаешь, как фонарный блик
Поутру с поверхности речной.

3. Город

И, не спросясь, — на петлистую лесенку спуска,
Накось в зигзаг переулка!
Сердце Кастилии, ты восхитительно пусто,
Каменным отгулом гулко.

И, безответно, — во все приоткрытые створки,
Через железные скрепы!
Ибо, как прежде, двуглавые агилы** зорки,
Львы над воротами свирепы.

И не поманит в узорчье свитая нега
Влагой багряно-зернистой:
Каждая улица — только расщелина в небо,
В оное входят конкистой.

Тысяча кованных врат для суровых напутствий,
Чтоб, отшагав мостовую,
Рокотом собственной крови и грохотом пульса
Тишь отмечать вековую;

И попроситься в ученье смиренно и просто,
Ибо пристрастие вздорно, —
В твердый урок у ристалища и у погоста,
Каменоломни и горна,

** Aguila — орел.

Чтобы пуд соли, кус хлеба, и бык, и голубка
Пелись в литании длинной...
Сердце Кастилии несокрушимо и хрупко:
Камень, проложенный глиной.

Наверняка от мирских загражденное толков
Улиц кольчужным сцепленьем,
Огнеупорное сердце ответствует только
Неба нещадным веленьям.

Сердце Ла Манчи врачует гранитные даты
И черепичные крыши,
В улицу Ангела ливень приняв благодатный,
Как благовещенье свыше.

4. На Гринвиче

Двунадесять — нет, сорок сороков
И семьдесят семижды ветряков,
Хоть, кажется, и ветра вовсе нет,
Белесый воздух мелют в желтый свет,
Как желтый злак в муку во время оно,
Возвысив над равниной костяки,
Чтоб с легкой дирижировать руки
Четверкой колоколен Арагона:

В четыре стана Дева дель Пилар*
Навытяжку вымаливает дар
Седым холмам, проплешинно-курчавым,
Колючим, смятым, в тропах меловых
Проложенных, ручусь, не для живых,
И, в нищенстве, надменно-величавым.

Ни колоса, ни лоз, ни миндаля.
По оком пустынная земля
Черства, как в пыльных латах воин сивый.

---

*Собор Девы дель Пилар, или Богородицы Столпа, в Сарагосе.

Заржавел плуг и раскололся пресс,
Остался шаг до яростных небес —
Кровавый плеск в огонь неугасимый.

Лишь, угнездясь в обломе, монастырь
Маячит, пеплов каменную стынь
С ожогом вековым слив в покое,
Да в гладь небес, взойдя из суровья,
Четыре кипарисных острия
Вонзаются доукою мирскою.

В терпении упования прогорк
Сей край, стрясенный шествием когорт,
Себя вверяя Деве досточтимой.
Крещен огнем и Каином клеймен,
Громоздом поперек реки времен
Он лег, яря поток неотвратимый.

5. Коста Дорада

С высокой дуною средиземноморская ночь
Не пахнет, я вам поручусь, ни лимоном, ни лавром,
Ну, разве что морем, и то, если помнить о главном:
Что это не Ялта, — поскольку почти что точь-в-точь.

Да вот еще что, — подмечаешь, слизнув карамель
С пластмассовой ложечки, сидя в кафешке случайной:
Ведь этой волною целовано столько земель,
Что взор ее моря от века доньше печальный.

В тяжелых бурунах уже захлебнулась луна,
А долго барахталась, будто подбитая птица, —
И даже цикада не свищет; в одышке волна,
И грузную тучу вдали полоснула зарница.

Средиземноморского утра скворчинный присвист
Глаза на свету защекочет незрелым лимоном,
А неба эмалевый таз по окружности мглист:
Глядишь, уже осень грядет на курорт с угомоном.

И точно, — помилуйте, осень-хозяйка честна! —
Сдавили беспечную синь многослойные пеплы,
А в них завозились балконы, и волны окрепли,
И спели: "Ты знаешь ли край, где навеки весна?".

6. Монтсеррат

Все та же на обочинах сосна
В девическом пушистом умиленьи,
И розово ослабилась десна
Горы, в подол собирающей селенья,
Которые нисколько не бедны,
Не чуждые привычкам старины.

Здесь меньше башен и железных врат,
И беленые домики глазастей,
И облако, на темя Монтсеррат
Брюхато навалясь, вершину застит,
А выше туч в стерильность полнолуныя
Помещена Патрона Каталунья.

Приблизясь — в ширину разъятых глаз
Не втиснуть, — неостанет слов подённых:
О, что за пропасть разделила нас,
Славнейшая из жен земнорожденных!..
О, как в зенит рванулись валуны —
К стопам порфирисолнечной Жены!

Не два, не три базальтовых столпа:
Стремительной незрячею грядою
Коленопреклоненная толпа
Встает, прямится, всходит чередою,
Выходит на отвес — и нет земли, —
Осталось — ввысь, в чем недра родили!

Ни посоха уже и ни весла,
Уже ни слова до, ни слова после,
Лишь мнится, что вершины сотрясла

Паломников натруженная поступь;
Лишь мглился в небе синь пороховая,
Лишь длится: "Из глубин к Тебе взываю" ...

...А там уж не к базальтовой — к живой
Чреде пристроясь в полутьме собора,
Который наштигован столбовой
Усопшей знатью, — пядь за пядью, — споро
Цифруем память: ангела — у врат,
Себя — на фоне Девы Монтсеррат.

"Silencio", — лишь вспышки и щелчки.
Томление, почти как на вокзале.
Сухих прелатов мертвые зрачки,
Усатый Змееборец в круглой зале,
Светильники, надгробья, алтари.
Стекло. Кумир эбеновый внутри.

Такие встречи странны, — поза — блик!.. —
Ведь скалы строем двинулись недаром.
Сей королевский долгоносый лик,
Покрытый несмываемым загаром, —
Но скрытность глаз — и тверд стопы упор, —
Ах, вот оно: пастушка здешних гор!

Но что я, кроме "Радуйся!", скажу
Сей царственной готической пасторе?
Каким местам и дням принадлежу?
Какой мне прок от царств и их историй?..
Что Бог всезрящ, но Каин ищет трона...
Храни нас, Каталонская Патрона!

И пусть в невзгуду вспомнится исход
Нагих титанов, к горним поселениям
Поверх зеленых гор, соленых вод
Стремящих путь нездешним повеленьем,
В стремленьи позабыв, что всяк — вершина,
Святой обет держа ненарушимо.

7. Cobertizos*

От Исавели к Урсуле, от Павла к Луке,
К двум Доминикам, к Лоренцо, Тересе и Кларе, —
Кладези неба! Вот кануть в такой налегке,
Оттанцевав на земном, на вертящемся, шаре.

В сумерках, ставя стопу осторожно, как вор,
Голову вскинув, несущее изумленное бденье:
Где же сквозь толщу гранита сочтется во двор
Дамбою стен загражденное мерное пеньё?..

Каменность, где голосам не отвечает даль,
К воле людской несклонима, как жажда и голод;
Глыбами сдавленный, голос бурит вертикаль,
Словно растущий от гальки до флюгера город.

Скальная мощь монастырских излучин. Молчок.
Донные сумерки улиц, не знающих полдня.
На полушаге зазывный смиряет каблук
Пестрые гальки, походку иную помня.

Нет, не гранаты, — гранит; не браслеты гитан —
В звонком искрении гибкие полосы стали.
В сердце потупленной Девы входящий металл.
Ступор проулков, врасплох загражденных крестами.

Ввысь пламенеющим сводом, — рывком из оков,
Шпилом буравя эпохи в крови поколенной, —
Сумрачный город, ты светлая точка веков,
Словно чумного столетья зрачок гобеленный!

Переживи нас, — храни, не меняясь в лице,
Вычертя века параболу аркой подковной,
Рыцаря приснопечальный портрет в изразце
И розмаринов над речкою запах церковный.

---

*Район монастырских галерей в Толедо: "Навесы".